

Ахлуев Казбек Кюраевич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Отграничение мошенничества от коррупционных преступлений

Аннотация. В статье дается уголовно-правовая характеристика состава взяточничества как коррупционного должностного преступления и состава квалифицированного состава мошенничества – мошенничества, совершенного лицом с использованием своего должностного положения и определяются общие (сходные) и специфические (частные) признаки объекта данных общественно-опасных деяний.

Ключевые слова: мошенничество, взяточничество, объект, предмет, общественное отношение, субъект, цель.

В настоящее время противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами является актуальной проблемой. Законодатель постоянно совершенствует законодательство в этой части, создавая таким образом не только правовую основу расширения сферы воздействия на негативные общественные отношения, но и трудности при отграничении таких преступлений от смежных и прежде всего от мошенничества.

Коррупционные преступления в уголовном законодательстве представлены прежде всего следующими преступлениями: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). В практической деятельности следственных органов при квалификации данных преступлений возникают вопросы, требующие разъяснения в связи с изменениями в правовой оценке взяточничества как одной из форм

коррупционного поведения. Квалификация взяточничества как мошенничества значительно снижает размер возможного наказания, а кроме того, исключает применение крупных штрафов, установленных специально для противодействия коррупционными преступлениями и возможность применения конфискации имущества, нажитого преступным путем. Но и существует обратная тенденция – желание привлечь к уголовной ответственности за взяточничество мошенников, особенно в случае занятия последними должностей в государственных или муниципальных органах власти.

В данных случаях наиболее распространенной ошибкой правоприменения является неверное представление следователя об основном непосредственном объекте взяточничества и мошенничества. Применительно к коррупционным преступлениям их непосредственным объектом выступают общественные отношения, возникающие в сфере осуществления полномочий должностными лицами органов государственной или муниципальной власти [4, с. 210] и порядок материального вознаграждения такого лица за осуществление им своих служебных обязанностей [2, с. 92]

В качестве предметов преступлений коррупционной направленности выступают материальные ценности, а также услуги имущественного характера и имущественные права. Объективная сторона выражается в действии – передаче должностному лицу лично или через посредника предмета взятки за совершение в пользу взяткодателя или представляемых им лиц действий (бездействия), которые входят в служебные полномочия должностного лица; общее покровительство по службе и т. д. Указанные варианты поведения должностного лица были описаны при рассмотрении состава получения взятки. Субъектом получения взятки является должностное лицо, а дачи взятки – любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и целью – получения незаконного вознаграждения за совершение действий, как правило, предписанных должностными полномочиями [8].

Дача взятки является окончанным преступлением в момент получения взятки, когда хотя бы часть ее принята должностным лицом. Если передача ценностей не состоялась по причинам, не зависящим от взяткодателя (например, должностное лицо отказалось взять деньги), содеянное им является покушением на дачу взятки. В случаях, когда лицо получает от взяткодателя деньги или иные ценности для совершения действий, в интересах дающего взятку, и, не намереваясь этого сделать, присваивает их, его действия следует также квалифицировать как мошенничество.

Основным непосредственным объектом мошенничества в отличие от взятки являются общественные отношения в сфере реализации триады прав собственника, т.е. прав по владению имуществом или правом на него, пользованию и распоряжению указанным имуществом. В этой связи предметом мошенничества выступает чужое имущество или право на такое имущество [3, с. 47].

Объективная сторона мошенничества состоит в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, а субъективной стороной мошенничества являются вина в виде прямого умысла и корыстная цель. Субъектом мошенничества, так же, как и дачи взятки, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста [9].

В то же время между этими преступлениями есть и тождественный момент – незаконное получение должностным лицом денег или других материальных ценностей. При этом отличие состоит в том, что при мошенничестве незаконное вознаграждение виновный получает якобы за совершение действия (бездействия), которое оно не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, при наличии умысла на приобретение ценностей. Если такие действия совершаются лицом с использованием служебного положения, то они квалифицируются по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Иными словами, об обмане предлагается судить не столько по факту введения лица в заблуждение, сколько по содержанию должностных инструкций, по наличию в них полномочий, необходимых для достижения нужного виновному результата [1, с. 35].

Однако подмена понятий – «взятничество» и «мошенничество», вполне обоснованно производимая правоприменителями по действующему уголовному закону, не осталась незамеченной как в кругах юридической общественности, так и в обществе в целом. Представители средств массовой информации все чаще обращают внимание на то, что «вместо взятки получилось мошенничество» [5]. Так, по мнению Д.А. Корецкого и Я.И. Куриновой, в правоприменительной практике используются два способа квалификации реального взяточничества как мошенничества: а) увольнение задним числом коррупционера и тем самым перевод его из категории должностных лиц в обычного мошенника; б) признание должностного лица не имеющими должностных полномочий [6, с. 31].

Анализ судебной практики показывает, что такие решения противоречат основам уголовно-правовой теории и разъяснениям Верховного суда РФ. Приведем пример. Приговором районного суда оперативный уполномоченный уголовного розыска П-в признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Находясь при исполнении своих должностных обязанностей, осуществляя проверочные мероприятия в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ по заявлению Д-вой о совершении в отношении нее И-вым действий сексуального характера. П-в доставил И-ва в свой служебный кабинет для производства неотложных следственных действий. В процессе их производства Д-ва указала на И-ва как на лицо, совершившее в отношении нее вышеуказанное преступление. В этот же день П-в, узнав о намерении И-ва передать денежные средства Д-вой, умышленно, с целью совершения мошенничества, убедил И-ва передать денежные средства ему, убедив его в том, что принятие решения об отказе возбуждении в уголовного дела

полностью зависит от него (хотя реально таких полномочий не имел), тем самым ввел его в заблуждение и добился согласия И-ва на передачу денежных средств за не привлечение его к уголовной ответственности. После чего П-в получил от И-ва денежные средства в размере 500 тыс. руб. Непосредственно после этого он был задержан [7].

В данном случае такая оценка суда представляется неверной. Приговор суда основан на предполагаемой субъективной оценке виновными своих деяний. При этом игнорируется то обстоятельство, что внешнюю сторону их действий потерпевший воспринимал как требование должностного лица, следующее из его служебных полномочий. Использованный виновным обман касался юридических вопросов, в которых потерпевший (И-в) не мог разобраться, да и не должен был разбираться. Умысел виновных был направлен не на обман потерпевшего в частных юридических вопросах, а на использование своего служебного положения для вымогательства взятки. Следовательно, действия виновных подлежали квалификации по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Таким образом, мошенничество, совершенное лицом посредством использования своего служебного положения, и получение взятки имеет как схожие, так и отличительные признаки объекта. К последним следует причислить сферу общественных отношений, охраняемых уголовным законом. К числу общих признаков объекта следует отнести предмет преступного посягательства.

Литература

1. Бочкарев С.А., Радченко О.В. И все-таки: мошенничество или взяточничество? // Законность. 2013. № 1.

2. Веремеенко В.М. Особенности объекта и предмета преступлений, составляющих взяточничество // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2016. № 2.

3. Веремеенко В.М. Объект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2.

4. Саатова Б.А. Коррупционное преступление // Молодой ученый. 2017. №23.

5. Не пойман – не взял [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/10/15/korruptsiya.html> (дата обращения 29.01.2019).

6. Корецкий Д.А, Куринова Я.И. Почему взяточники и расхитители превращаются в мошенников? // Законность. 2013. №5.

7. Приговор от 17 июля 2015 года по делу № 1-88/15 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 02.02.2019).

8. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» Постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 №24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2013. №9.

9. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 №48 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2018. № 2.

© Бюллетень магистранта 2019 год № 1